

ПЯТ5 ШАГОВ ДО ТЕБЯ

НЕКРОРОМАНТИКА

МЫ СВЯЗАНЫ ПЯТЬЮ ШАГАМИ.
ОНА УЖЕ МЕРТВА.
НО Я ВСЁ РАВНО

18+

Нарцисса Джанова

Пять шагов до тебя.

Некроромантика

<https://litres.ru/74347454>

SelfPub; 2026

Аннотация

Её тело нашли на набережной без единой царапины.

Судмедэксперт, приехавший на вызов, откинул простыню — и узнал лицо своей бывшей жены.

Элиас три года как развёлся с Кирой. И три года как перестал быть человеком, готовым соблюдать правила.

Прямо под носом у полиции он произносит запрещённое заклинание — и её душа отзывается. Кира не собиралась умирать. И уж тем более не собиралась провести загробную жизнь привязанной к мужчине, от которого сбежала.

Но выбора у них больше нет.

Радиус в пять шагов. Общая боль. И тридцать дней, чтобы найти убийцу — иначе они оба развеются без следа.

Только чем ближе Элиас и Кира подбираются к правде, тем яснее становится: её смерть — не случайность, а часть плана, который тянется из его собственного прошлого. И тот, кто дёргает за ниточки, знает о них куда больше, чем они сами о себе.

Иногда, чтобы спасти друг друга, нужно для начала признать
— вы никогда по-настоящему не переставали быть парой.
Даже если один из вас уже мёртв.

Содержание

Пролог. Тень которая ждёт.	5
Смерть вам не повод для свидания	10
Правила загробного сожительства	15
Первая бракоразводная ночь	20
Осознание катастрофы	25
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Нарцисса Джанова

Пять шагов до тебя.

Некроромантика

Пролог. Тень которая ждёт.

За три дня до того, как Кира Эрроу в последний раз пройдёт по мокрой набережной, в одном из закрытых кабинетов старого магического клуба горела единственная свеча.

Человек, сидевший за столом, не любил яркий свет. Годы, проведённые в тени, в буквальном и переносном смысле, приучили его к полумраку настолько, что дневное солнце теперь казалось навязчивым и грубым, будто кто-то без спроса включал прожектор прямо в лицо. Кабинет, в котором он предпочитал вести подобные разговоры, был спрятан так глубоко под фасадом респектабельного клуба, что даже завсегдатаи этого места не подозревали о его существовании. Сюда не доносились ни музыка, ни смех гостей. Только ровное потрескивание фитиля да мерное тиканье старинных часов отсчитывали время, которое уже принадлежало не настоящему, а будущему.

Перед ним, на бархатной подушке, лежал артефакт. Маленький, почти невзрачный камень в почерневшей серебря-

ной оправе, покрытой стёршимися рунами. Любой неопытный маг принял бы его за безделушку, потерявшую ценность столетия назад. Но теневая магия редко любила эффектные формы. Самые опасные вещи всегда выглядели обманчиво просто.

Заклятие, вплетённое в сердцевину артефакта, спало. Не исчезло. Не умерло. Лишь терпеливо ждало человека, который рискнёт его разбудить.

Он искал эту вещь почти семь лет. Через десятки посредников.

Через подпольные аукционы. Через архивы, официально уничтоженные ещё во времена его деда. Последний хранитель умер, так и не успев назвать место, где спрятал реликвию. Остальные исчезали один за другим. Одни продавали сведения за деньги. Другие пытались продать их дважды. Почти никто не доживал до следующего рассвета.

Он никогда не считал это совпадением.

Из темноты послышался второй голос.

— Ты уверен, что она подходит?

— Уверен, — спокойно ответил человек за столом, не отрывая взгляда от артефакта.

— Она из старого рода. Архив у неё в крови, даже если сама она об этом не подозревает. А то, что столько лет она пряталась от собственного наследия за клавиатурой техномага, даже лучше. Чем меньше человек знает о собственной природе, тем легче направить его туда, куда нужно.

— А её бывший муж? Некромант из Департамента? В комнате повисла короткая тишина.

Человек наконец поднял голову.

В тусклом свете свечи стало видно лишь тонкую улыбку. Не радостную. Не злую. Улыбку человека, который уже мысленно наблюдал финал партии, хотя первая фигура ещё даже не сдвинулась с места.

— Он всё усложнит, — признал он.

— Но, возможно, именно это мне и нужно. Некроманты обладают одной любопытной слабостью. Когда дело касается тех, кого они любят, они перестают быть хорошими служителями закона. Они начинают искать исключения. Нарушают инструкции. Закрывают глаза на последствия.

Он слегка наклонил голову.

— А нарушенный закон всегда становится самой красивой ловушкой.

Он осторожно взял артефакт.

Едва его пальцы коснулись холодного металла, стёртые руны вспыхнули слабым серебристо-серым светом.

По комнате прокатилась волна ледяного воздуха.

Стекло единственного окна мгновенно затянулось тонкой паутиной инея.

Пламя свечи дрогнуло, словно испугалось.

А где-то глубоко под полом послышался тихий звук, похожий на тяжёлый человеческий вздох.

Артефакт узнавал хозяина.

— Архив рода откроет нам список. Список приведёт к Якорю. А Якорь...Он замолчал.

В этой паузе было куда больше голода, чем в любых словах.

— ...исправит то, что мир сломал двадцать лет назад. Второй человек ничего не ответил.

Имя Якоря знали единицы.

Одни считали его красивой легендой. Другие были уверены, что все упоминания уничтожили много лет назад.

Но каждый древний архив повторял одну и ту же фразу.

Когда просыпается Якорь, история перестаёт принадлежать победителям. Свеча качнулась от сквозняка, на мгновение выхватив из темноты высокую фигуру с безукоризненно прямой осанкой и серебром в висках, после чего снова спрятала её во мрак.— Когда начинаем? — тихо спросил второй. Первый убрал артефакт во внутренний карман плаща.— Уже начали. Он поднялся.— Осталось дожидаться, пока она окажется на набережной одна. Наши люди уже там. Дальше всё произойдёт именно так, как должно. Короткое движение. Свеча погасла. Темнота мгновенно поглотила кабинет, будто ждала этого всё время. Стало невозможно понять, ушёл из комнаты один человек или оба одновременно. Лишь запах горячего воска, лёгкая горечь старых трав и едва заметный холод ещё долго висели в неподвижном воздухе, словно само помещение не желало отпускать след разговора, который изменит слишком многое. Где-то высоко над ними жил ноч-

ной город.Светились рекламные вывески.По мостам скользили машины.Последние трамваи развозили домой уставших людей.Кто-то смеялся.Кто-то влюблялся.Кто-то впервые за долгое время чувствовал себя счастливым.Никто не заметил, что именно этой ночью была подписана чужая судьба.

Смерть вам не повод для свидания

Дождь в этом городе никогда не пах дождём. Он пах металлом, озоном и немного — тревогой. Элиас давно перестал обращать на это внимание, как перестают замечать шум собственного холодильника. Но сегодня, стоя на краю набережной под мигающим фонарём, он вдруг подумал: странно, что смерть здесь тоже давно перестала кого-то удивлять. — Судмедэксперт Департамента? — окликнул его усталый полицейский, приподнимая жёлтую ленту. — Быстро вы. — Работа такая, — коротко ответил Элиас, ныряя под ленту. Он не стал уточнять, какая именно у него работа. Пусть думают — обычный патологоанатом с необычно бледной кожей и странной привычкой носить перчатки даже летом. Так проще. Так безопаснее — и для них, и для него. Толпа зевак топталась чуть поодаль, кутаясь в плащи. Обычная городская набережная, обычная ночь, обычное тело — так это выглядело для всех, кто не умел видеть чуть глубже поверхности вещей. Элиас накинул на плечи полог невидимости — простое, почти рутинное движение пальцами, — и мир вокруг него на секунду поплыл, будто кто-то протёр стекло тряпкой. Полицейские, толпа, свет фонарей — всё осталось на месте, просто теперь его среди этого не было. Он прошёл сквозь оцепление так, как проходит сквозняк: никто не обернулся. Тело лежало у самой кромки воды, накрытое белой тка-

нюю. Ни ран, ни крови, ни следов борьбы — просто девушка, будто уснувшая на мокрых досках причала. Элиас опустил-ся на колено и откинул край ткани. И замер. Он узнал бы это лицо даже с закрытыми глазами. Узнал бы по одной родинке над бровью, по упрямой складке между бровей, которая оставалась даже в смерти. Три года — а сердце (то, что от него ещё оставалось) споткнулось так, будто было вчера. — Кира, — произнёс он одними губами. Врачи «Скорой», топтавшиеся неподалёку, деловито обсуждали остановку сердца — банальную, по их мнению, трагедию молодой здоровой женщины. Внезапная, необъяснимая, но естественная. Элиас знал лучше. Он видел то, что не видели их приборы и глаза: тонкую, рваную трещину в самом ядре её магии — след редкого теневого заклęcia, которое не убивает тело сразу, а методично гасит душу, как свечу под стеклянным колпаком. Такие заклęcia давно считались забытым искусством, вычеркнутым из современных гримуаров как слишком жестокое даже для тёмных практик, — и то, что кто-то счёл нужным откопать его именно ради Киры, само по себе говорило о масштабе угрозы больше, чем любые слова. Душа Киры уже наполовину соскользнула туда, где нет ни живых, ни мёртвых — в серое безвременье между мирами. И таяла. Быстро. У него было, может быть, минуты две. Пальцы задрожали — не от холода. Элиас знал: то, что он сейчас сделает, вне закона в трёх разных смыслах сразу. Привязка духа к живому источнику без санкции Департамента каралась строже,

чем большинство насильственных преступлений. Привязка духа к себе лично — без ритуального разрешения — каралась ещё строже. А привязка к телу бывшей жены, погибшей при обстоятельствах, которые ещё предстояло выяснить, — это уже не преступление. Это самоубийство карьеры, а возможно, и не только карьеры. Он сделал это всё равно. Шёпотом, едва шевеля губами, чтобы ни одна живая душа рядом не различила слов, Элиас произнёс формулу — древнюю, злую, запрещённую с тех самых пор, как некроманты научились ею злоупотреблять. Воздух над телом дрогнул, как нагретый асфальт в жару. Полицейские вокруг продолжали переговариваться о протоколе осмотра, не замечая, как в полуметре от них искажается сама ткань реальности. Полупрозрачная фигура соткалась из этого искажения рывками, будто кто-то торопливо доснимал фильм с пропущенными кадрами. Сперва — контур, потом цвет, потом — до боли знакомые глаза. Кира. Она выглядела ошеломлённой ровно долю секунды. А потом — взбешённой. — Ты. С ума. Сошёл?! — её голос прозвучал не вслух, а прямо у него в голове, отчего Элиас невольно поморщился. — Привязать меня?! К себе?! Да я только-только от тебя отделалась! — Рад тебя видеть, — пробормотал он, не поднимая головы, чтобы полиция не заметила, что он разговаривает с пустотой. — Не смей радоваться! — Кира яростно всплеснула руками, и одна из них прошла сквозь ближайший столб ограждения. Это её только сильнее разозлило. — Три года, Элиас! Три года я стро-

ила новую жизнь без некромантии, без Департамента и без тебя, а ты являешься на место моего убийства и первым делом нарушаешь федеральный закон!— Твоего убийства, — медленно повторил он, и это слово повисло между ними, гася её гнев быстрее любого заклинания. Кира вдруг притихла. Полупрозрачная, дрожащая в свете фонарей, она опустила взгляд на собственное тело, укрытое белой тканью, — будто впервые за последние несколько минут по-настоящему это осознала.— Меня убили, — тихо повторила она. И тут же, с прежней колючестью, но уже без ярости, а с чем-то, похожим на страх: — Кто?— Пока не знаю, — Элиас поднялся, стараясь не смотреть на её лицо слишком долго — оно всё ещё било под дых. — Знаю только, что заклятие редкое. И то, что я вижу, мне очень не нравится. Где-то за спиной раздался скрип рации — один из полицейских докладывал о завершении первичного осмотра. Времени оставалось всё меньше: ещё немного, и на набережную нагрянут коллеги Элиаса из Департамента — настоящие, с приборами, способными засечь свежую вспышку незаконной некромантии за квартал. И тогда объясняться придётся уже не с бывшей женой, а с трибуналом.— Нам нужно уходить, — сказал он.— Нам? — Кира скрестила руки на груди, зависнув в воздухе с той же вызывающей грацией, с какой когда-то стояла в дверях их общей квартиры во время последней ссоры. — Ты хоть понимаешь, что натворил? Ты привязал меня. Насильно. Без моего согласия.— Понимаю, — коротко ответил Элиас. —

И я объясню всё. Позже. Сейчас нам нужно исчезнуть отсюда, пока не приехали настоящие проблемы. Он снова накинул полог невидимости — теперь на двоих, хотя вторую половину пришлось скорее домысливать, чем накладывать: тело Киры давно не было материальным, но привязка держала её так близко, что магии пришлось охватить её саму, как охватывает пламя соседнюю свечу. Кира не сдвинулась с места. — Элиас. — Что? — Если это ты меня убил, чтобы вернуть — учти, я после Серых Земель ещё злее, чем была. Он впервые за эту ночь чуть не улыбнулся. — Не я. Но кто бы это ни был — он не рассчитывал, что рядом окажется бывший муж с лицензией некроманта. — Бывший муж с лицензией на нарушение всех законов Департамента, — уточнила она едко, но всё же тронулась следом за ним, паря в полуметре над мокрыми досками причала. Они уходили с места происшествия — живой человек и его невидимый, разъярённый призрак бывшей жены — растворяясь в переулках между фонарями, пока за спиной оставалась завёрнутая в белую ткань пустота: тело, из которого утекла жизнь, но которое, вопреки всем законам магии и здравого смысла, отказалось умирать до конца. Где-то далеко за их спинами взывала сирена — то ли случайная, то ли уже вестник настоящих проблем, — но ни один из них не обернулся, чтобы проверить.

Правила загробного сожительства

Метро в этот час было почти пустым — несколько сонных пассажиров, объявление на трёх языках, запах хлорки и мокрого асфальта, занесённого с улицы на подошвах. Идеальное место, чтобы остаться незамеченным. По крайней мере, так думал Элиас, пока двери вагона не начали закрываться. — Стой здесь, — бросил он вслух, слишком тихо, чтобы привлечь внимание, и слишком поздно. Кира не собиралась стоять. Всё её существо — то небольшое материальное, что от него осталось, — рвалось прочь: от него, от тела на набережной, от всей этой ночи разом. Она метнулась к дверям в тот самый момент, когда они начали смыкаться, будто вагон был просто ещё одной клеткой, из которой можно выскользнуть. Не вышло. Невидимая нить рванула её назад так резко, что Элиас почувствовал это как удар кулаком в грудь — тупой, вышибающий воздух. Телефон выскользнул у него из пальцев и с гулким стуком упал на пол вагона. Кира отлетела обратно, будто её дёрнули за шкурку, и застыла ровно в пяти шагах от него — ни сантиметром дальше. Она замерла на долю секунды — не от боли, а будто от короткого, острого понимания: тело больше не слушалось привычных правил, больше не принадлежало полностью ей. Только потом пришла злость. — Ч-что это было? — прошипела она, хватаясь за грудь, хотя хвататься там было, строго говоря,

не за что. — Радиус привязки, — выдавил Элиас, наклоняясь за телефоном и одновременно пытаясь дышать ровно. — Пять шагов. Дальше — больно. Обоим. — Ты издеваешься, — в её голосе звучала уже не ярость, а нечто среднее между ужасом и оскорблённым достоинством. — То есть я теперь буду ходить за тобой хвостиком? Пожизненно? — Или ты за мной, или я — ловушкой на конце твоего поводка, выбирай формулировку сама. Пассажиры — их было трое на весь вагон — начали коситься на странного молодого человека, который тихо разговаривал сам с собой, шипел от боли и явно ронял вещи без всякой видимой причины. Пожилая женщина у дверей демонстративно отсела на два сиденья дальше, крепче прижимая к себе сумку, будто опасаясь заразиться его странностью. Элиас закрыл глаза и мысленно взмолился, чтобы поездка закончилась быстрее. Может, стоило предупредить, что бывает больно, — прилетела мысль Киры прямо ему в голову, минуя голосовые связки. Оказывается, ментальная связь работала в обе стороны, и работала она вполне исправно, даже когда оба молчали. Может, стоило не пытаться сбежать в первые же пять минут после того, как я тебя спас, — мысленно огрызнулся он в ответ. Спас? Ты меня похитил, Элиас. Есть разница. Дальше они ехали молча — вслух, во всяком случае. Мысленная перепалка продолжалась ещё три станции, становясь то тише, то снова вспыхивая, как костёр на ветру, — старая, знакомая, будто и не было этих трёх лет порознь. Квартира Элиаса встре-

тила их темнотой, беспорядком и тем особым запахом одинокого мужского быта, который безошибочно узнаётся с порога. Кира, оказавшись внутри, первым делом облетела гостиную по кругу — не столько из любопытства, сколько чтобы проверить, насколько далеко теперь способна отойти от него в закрытом пространстве. Пять шагов оказались катастрофически маленьким радиусом для двухкомнатной квартиры. — Знаешь, — протянула она, зависнув у окна, — знатная месть тебе полагается за сегодняшний вечер. — Кира. — Просто небольшая, символическая месть. За похищение. — Кира, не надо. Она уже не слушала. За окном как раз мигнули фары — курьер с доставкой, которую Элиас заказал ещё до вызова на набережную и давно забыл. Раздался звонок в дверь. Элиас потянулся открыть — и в этот момент Кира, злорадно улыбнувшись, решила «включиться» для обычных смертных глаз. Дверь распахнулась. На пороге стоял курьер с коробкой пиццы, уже занёсший руку, чтобы её протянуть — и застывший на полуслове, когда прямо у него перед носом соткалась полупрозрачная женская фигура с горящими праведным гневом глазами. Курьер не издал ни звука. Он просто побледнел настолько стремительно, что Элиасу на секунду показалось, будто парню самому сейчас понадобится помощь судмедэксперта. Коробка с пиццей полетела на пол, курьер попятился, развернулся и кинулся прочь по лестнице, забыв даже про свой самокат у подъезда. — Кира! — рявкнул Элиас, захлопывая дверь. — Что? — она невинно взмах-

нула ресницами, паря над упавшей коробкой. — Мне было скучно. Элиас невольно отметил про себя, что три года назад она бы на такое не решилась — постеснялась бы, отступила в последний момент. Сейчас в этой мгновенной, почти бесстрашной импровизации было что-то новое, чего он не помнил за прежней Кирой. — Ему это будет сниться неделями. — Значит, будет что вспомнить бедному парню. Элиас устало прикрыл глаза, зажав переносицу двумя пальцами — жест, который он усвоил ещё во времена их брака, ровно в те моменты, когда спорить дальше не было ни сил, ни смысла. Он поднял коробку, поставил её на стол — есть уже не хотелось совершенно — и повернулся к бывшей жене. Пора было заканчивать с весельем. — Смейся-смейся, — произнёс он, и что-то в его голосе заставило улыбку сползти с её лица. — Тебя убили не просто так, Кира. Заклятие, которое тебя убивало, не исчезло вместе со смертью — оно переметнулось на меня в тот момент, когда я тебя привязал. Оно теперь в нас обоих. Кира медленно опустилась ниже, зависнув почти на уровне его глаз. От её насмешливости не осталось и следа. — Что это значит? — Это значит, — тихо сказал Элиас, — что если мы не найдём того, кто это сделал, и не остановим заклиние — мы оба, рано или поздно, окончательно развеемся по ветру. Ты — потому что уже мертва. Я — потому что теперь привязан к тебе достаточно крепко, чтобы разделить твою участь. Тишина повисла между ними — куда более тяжёлая, чем всё, что было сказано в вагоне

метро. За окном город продолжал жить своей обычной ночной жизнью, не подозревая, что где-то на десятом этаже двое людей — один из которых формально уже не был человеком — только что осознали, что времени у них куда меньше, чем кажется. Где-то этажом ниже хлопнула дверь подъезда, кто-то рассмеялся на улице беспечным, ничего не подозревающим смехом — и этот обыденный звук почему-то показался Элиасу невыносимо далёким от того, что происходило сейчас в его собственной квартире.

Первая бракоразводная ночь

Кира не ответила ему сразу. Несколько долгих секунд она просто висела в воздухе посреди гостиной, глядя сквозь него — не на него, а куда-то за его плечо, туда, где, наверное, всё ещё лежала на мокрых досках набережной её собственная оболочка, укрытая казённой тканью. Развеяться по ветру. Она попробовала это слово на вкус мысленно, и оно оказалось куда более реальным, чем всё остальное, случившееся за этот безумный вечер. — Ладно, — сказала она наконец, и голос её прозвучал тише обычного. — Ладно. Значит, у нас теперь общая проблема. — Похоже на то. — Но разбираться с ней мы начнём завтра. — Она моргнула, и прежняя колючесть начала возвращаться в её взгляд, будто броня, которую надевают заново. — Потому что если я проведу остаток вечера, обдумывая, что скоро окончательно исчезну, — я слечу с катушек раньше, чем нас настигнет проклятие. Элиас не стал спорить. Он слишком хорошо помнил эту её черту — откладывать настоящий ужас на потом, чтобы не захлебнуться им прямо сейчас. Когда-то это его раздражало. Сегодня — неожиданно успокаивало. — Тогда до утра, — сказал он и пошёл в спальню, на ходу стягивая с себя пиджак, пропахший формалином и речной сыростью. Оказалось, что «до утра» не означает «поодиночке». Радиус в пять шагов не делал различий между гостиной, коридором

и спальней — он просто существовал, как невидимая стена, тянущаяся за Элиасом, куда бы тот ни пошёл. Кира, всплывшая следом без всякого приглашения, придирчиво осмотрела его спальню — узкую кровать, гору книг по некромантии на полу вместо тумбочки, шкаф с приоткрытой дверцей, из которой торчал рукав чего-то клетчатого. На стене, криво прибитая, висела единственная семейная фотография, которую он так и не убрал за все эти годы, — она сделала вид, что не заметила её. — Боже мой, — протянула она, паря под потолком с видом инспектора санэпидстанции. — Ты по-прежнему живёшь как студент. — Я работаю по восемнадцать часов в сутки, Кира. У меня нет времени на дизайн интерьера. — У тебя никогда не было времени ни на что, кроме работы, — заметила она, и в этой фразе прозвучало что-то из их давних, ещё супружеских ссор — привычное, отработанное годами, почти уютное в своей узнаваемости. Она опустилась ниже, беззастенчиво проходя сквозь дверцу шкафа, чтобы рассмотреть его гардероб, и, судя по донёсшемуся до Элиаса издевательскому фырканью, безошибочно наткнулась на те самые пижамные штаны в клетку, которые он несколько раз пытался выбросить и всё никак не мог себя заставить. — Серьёзно? Эти же ещё с университета остались! — Они удобные. — Они катастрофа. Элиас улёгся поверх одеяла, не раздеваясь — не было ни сил, ни, честно говоря, желания устроить из этой ночи что-то более уютное, чем она уже была. Кира продолжала парить где-то между шкафом и потол-

ком, комментируя вслух то беспорядок на его столе, то пыль на карнизе, то — с особенно ядовитой интонацией — стопку чистых, но так и не выглаженных рубашек. Он пытался сохранять хладнокровие. Профессиональное, отработанное годами общения с мёртвыми хладнокровие, которое обычно не подводило его даже в самых жутких обстоятельствах. Оно подводило его сейчас. Дело было не в её насмешках — к ним он привык ещё в браке. Дело было в том, как знакомо и одновременно странно было чувствовать её рядом снова: тот же голос, та же манера морщить нос, когда она злится, тот же взгляд, каким она смотрела на него, ожидая ответной колкости. Только теперь в этой колкости не было прежней осторожности — раньше она всегда чуть придерживала удар, будто боялась зайти слишком далеко. Сейчас — не боялась вовсе. И этот новый взгляд проходил сквозь него в буквальном смысле, стоило ей приблизиться чуть больше положенного, и от этого сердце почему-то сжималось сильнее, а не слабее. — Спи уже, — буркнул он, отворачиваясь к стене. — Завтра решим, что делать дальше. — А что мне ещё остаётся, — донеслось из темноты, уже без прежнего яда, скорее с усталой обречённостью. — Призракам, говорят, сон не нужен. Буду просто висеть тут и смотреть, как ты спишь, как какая-то жуткая горгулья. — Приятных снов, горгулья. Она не ответила. Элиас закрыл глаза, всё ещё чувствуя её присутствие где-то на краю сознания — холодное, странно успокаивающее, как открытое окно в жаркую ночь, — и провалился

в сон быстрее, чем ожидал. Сон пришёл не его. Элиас понял это не сразу — просто оказался стоящим посреди улицы, которую никогда прежде не видел, и всё вокруг было окрашено тем неуловимо чужим освещением, каким бывает освещение только чужая память. Модный, закрытый клуб для магов где-то в центре города, спрятанный от глаз смертных плотной иллюзией — он узнавал этот тип магии по характерному мерцанию по краям зрения. Тёмный переулок за клубом. И силуэт человека, стоящего слишком неподвижно для того, кто просто ждёт. В руках у силуэта был артефакт — Элиас не мог разглядеть его форму отчётливо, только вспышку холодного, нездорового света, будто внутри вещи билось что-то живое и мёртвое одновременно. Он попытался закричать, предупредить — кого? себя самого? Киру, которую здесь, в этом сне, ещё не было — но голос не слушался, как это часто бывает во сне. Силуэт шевельнулся. Артефакт вспыхнул ярче. Элиас проснулся резко, весь в холодном поту, сердце колотилось так, будто он только что бежал несколько кварталов. Кира была рядом — теперь уже сидела, а точнее, парила у изножья кровати, и её лицо в темноте выглядело белым как мел, даже для призрака. — Ты видел, — не спросила, а констатировала она. — Клуб, — выдохнул Элиас. — Переулок. Человек с артефактом. — Это не сон, — тихо сказала Кира, и голос её дрогнул впервые за весь вечер. — Это моё последнее воспоминание. Перед тем, как всё погасло. Они оба замолчали, и в этой тишине Элиас окончательно понял то, что

до этого знал только разумом, а теперь — почувствовал кожей: убийца Киры был реален, был где-то в этом городе, и ждать рассвета, чтобы начать его искать, оставалось уже совсем недолго. За окном, где-то далеко, пропел первый петух — нелепый, до странности домашний звук для мегаполиса, — и Элиас понял, что ночь, какой бы страшной она ни была, всё же подходит к концу.

Осознание катастрофы

Утро вползло в квартиру серым светом сквозь неплотно задёрнутые шторы, и вместе с ним пришла деловитая, почти механическая ясность, которая всегда охватывала Элиаса перед сложной работой. Он разложил на кухонном столе потрёпанный кожаный футляр с рунами — свой рабочий набор, тот самый, с которым выезжал на вызовы уже седьмой год, — и принялся методично раскладывать символы в диагностический круг. — Что это за штуки? — Кира зависла над столом, с любопытством разглядывая тёмные, отполированные временем камешки. — Диагностические руны. Покажут, что именно происходит с нашей связью и насколько всё плохо. — Звучит обнадеживающе. Каждый камень в наборе достался ему по наследству от целой вереницы наставников — некоторые треснули от старости, некоторые почернели от многолетнего использования, но ни один Элиас так и не решился заменить новыми, будто вместе с потёртостью терялась бы и часть их силы. Она попыталась помочь — потянулась поправить одну из рун, съехавшую чуть в сторону, — и её пальцы прошли сквозь камень, даже не потревожив пыль на его поверхности. Кира замерла, глядя на собственную руку с таким выражением, будто видела её впервые. — Не могу, — тихо сказала она. — Не могу даже руну подвинуть. Элиас не ответил сразу, продолжая раскладывать круг, но краем

глаза заметил, как изменилось её лицо. Не гнев, не сарказм — то самое, настоящее, что она весь вечер старательно прятала под колкостями. Растерянность. Кира отлетела к окну, глядя на утренний город, и Элиас понял, что она сейчас думает вовсе не о рунах. — Кофе бы сейчас, — вырвалось у неё почти шёпотом, и в этой фразе было столько тоски по обыкновенной, скучной, живой жизни, что у Элиаса сжалось сердце. Она не могла выпить кофе. Не могла подвинуть руну, не могла коснуться дверной ручки, не могла сделать ничего из тех тысяч мелочей, из которых, как оказывается, и состоит жизнь по большей части. Она была мертва — не метафорически, не «в разводе с некромантией», а буквально, окончательно мертва, и вся её самостоятельность, вся её независимость, которой она так гордилась все эти три года, свелась сейчас к одному: она полностью зависела от человека, с которым поклялась больше никогда не иметь ничего общего. Элиас отложил руны. Он не был уверен, что делает это правильно — временное уплотнение чужой ауры требовало точности, которой в диагностическом наборе взяться было неоткуда, — но смотреть, как она тает от осознания собственной беспомощности, оказалось невыносимее любого профессионального риска. Он сосредоточился, подтянул к себе нить их общей связи и мягко, аккуратно вложил в неё часть своей магии — не привязку, а уплотнение, будто набрасывая на призрачный контур тонкую, но плотную кожу. Кира ахнула, когда её пальцы вдруг обрели вес. — Что ты... — На пару

минут, — предупредил Элиас, чувствуя, как быстро тает его собственный резерв. — Больше не удержу. Она не стала спорить. Подошла к столу, взяла в дрожащие, впервые за сутки материальные руки чашку с остывшим кофе, которую он так и не успел допить с вечера, и сделала глоток. Просто глоток остывшего кофе — а на её лице отразилось что-то настолько похожее на счастье, что Элиас отвёл взгляд, будто подсмотрел что-то слишком личное. — Тёплый, — соврала она, хотя кофе был давно холодным, и они оба это знали. Её рука, всё ещё тёплая и настоящая, легла поверх его руки на столе. Между ними будто пробежал ток — не магический, а тот самый, старый, знакомый, из тех времён, когда прикосновения ещё ничего не стоили и не требовали ритуалов. Элиас поднял взгляд, и на секунду — всего на секунду — между ними снова была не бывшая жена и не привязанный призрак, а просто Кира и просто он, как когда-то давно. Разве что раньше в такой момент она бы первой отвела глаза — смутилась бы, отшутилась. Сейчас она смотрела на него не отрываясь, будто больше не считала нужным прятаться. Магия иссякла быстрее, чем он ожидал. Её пальцы снова стали полупрозрачными, чашка со стуком провалилась сквозь ставшую бесплотной ладонь и разбилась об пол. Момент прошёл. Но что-то в воздухе между ними осталось. — Ладно, — сказала Кира чуть позже, уже снова взяв себя в руки, пока Элиас убирал осколки. — Хватит сантиментов. Что говорят твои руны? Диагностика заняла ещё около получаса. Элиас

водил пальцами по светящимся символам, читая узоры, понятные только тем, кто годами учился их толковать, и с каждой минутой его лицо становилось всё мрачнее.— Проклятие не статично, — сказал он наконец. — Оно медленно пожирает твою душу — и одновременно мой источник, через привязку. Как паразит, высасывающий двух хозяев сразу.— Сколько у нас времени?— Судя по скорости распада... — Элиас помедлил, пробегая пальцем по последней руне. — Тридцать дней. Плюс-минус. Кира выдохнула — резко, будто её ударили под дых, хотя дышать ей давно было не обязательно. Но она справилась с собой быстрее, чем он ожидал. Что-то в её лице изменилось — растерянность утра сменилась той самой упрямой решимостью, которую Элиас так хорошо помнил по их студенческим временам, когда она бралась за самые безнадёжные экзамены и всё равно их сдавала.— Я кое-что вспомнила, — сказала она вдруг, прикрыв глаза, будто заново перебирая в памяти обрывки той ночи. — Лицо. Из кошмара. Из переулка. Я всегда запоминала лица — профессиональная привычка, три года работы с системами безопасности не проходят бесследно даже для мёртвых.— Что?— Оно всплыло само, пока ты возился с рунами. Не целиком — но достаточно. Я видела его раньше, Элиас. Он завсегдатай одного закрытого магического казино в квартале Старых Верфей. Смертные думают, что там просто дорогой закрытый ресторан. Но нам нужен подвал. Элиас медленно поднялся, глядя на неё — на эту новую, собранную, готовую

к бою версию женщины, с которой он развёлся три года назад.— Кира, мы даже не знаем, кто он.— Значит, узнаем, — отрезала она, и в её голосе не было ни капли прежней растерянности — только сталь. — Собирайся, бывший. Мы идём на дело. Она уже направлялась к двери, не дожидаясь его ответа, — и Элиас, глядя ей вслед, поймал себя на мысли, что впервые за долгое время не боится последовать за кем-то в неизвестность, а хочет этого сам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.